

РЕВОЛЮЦИЯ

КУБИНСКИЕ КАЗАКИ О ДЫМЕ ГАВАНЫ РАССУЖДАЕТ РЕЖИССЕР-ДОКУМЕНТАЛИСТ ХУАН-ЛУИС ЛУСИЕНТЕС

Куба опять стала модной. Даже слишком — скоро буржуи-ювелиры придумают накладную бороду из черных бриллиантов. Или часы в виде «калашникова» придумают. Или брошку с Че Геварой. Это все потому, что миру не хватает лиц. Кругом — одни исполнители. Не понимаю новых революционеров, даже Маркоса: эти маски, как в дешевом вестерне. Маски в вестернах носят плохие парни. У революции, как в кино, должны быть звезды, которых знает в лицо весь мир. И революционерами становятся так же, как синефилами.

Первый свой «фильм» я не смотрел, а слушал. Отец, нашедший убежище после гибели испанской республики в Мексике, рассказывал о Пассионарии и анархисте Дуррути, убитом под Мадридом выстрелом в спину. И я видел вздернутые к небу кулаки, Троцким восхищался за то, что творец Красной армии нашел время соблазнить Фриду Кало, как Эррол Флинн, который в гуще сражения не пропускал ни одну юбку. Вторая «серия» — это уже Куба. В доме отца я видел их, еще безбородых. Фидель косил под Кларка Гейбла. Было понятно: далеко пойдет: герои-любовники не погибают. Эрнесто пижонски курил сигары, но Че он стал, лишь когда борода и кудри придали его лицу значительность. Главной звездой был Камило Сьенфуэгос. Вот кто действительно походил на ковбоя: тощий, неунывающий. Он ушел первым: жить быстро, умереть молодым. Не прошло и года после революции, как его самолет исчез над морем.

Через пару лет я сам уехал на Кубу и превратился из зрителя в актера. Фильм, в котором премьером был Фидель, закончился с последним выст-

релом на Плайя-Хирон. Он потешно учился ходить на лыжах в гостях у Хрущева, приобретал вкус к мундирам и почетным президиумам. Каждый выход Че к народу был новой ролью. Еще до Кубы он «играл» альпиниста и мотоциклиста, косящего по Южной Америке. Теперь он азартно болел на баскетбольном матче, голый по пояс, клал кирпичи на стройке, сидел за рулем комбайна: но все это было так пресно по сравнению с партизанским «кино». Гагарина он обнял с таким видом, словно сам собирался отправиться в космос.

Он победил рутину, лишь сыграв последнюю роль с расстрельным финалом. Такого фильма история не знала: никто его не видел, но все домысливали, два года гадая, где же Че, в какую еще столицу он войдет, как в Гавану, на трофейном танке. В юности и Фидель, и Че восхищались кубинским политиком, который в разгар предвыборной речи по радио застрелился в прямом эфире: телевидения еще не было. Че превзошел его.

Я воспитан на старом кино и верю: настоящее кино должно быть черно-белым. Че — это настоящее, черно-белое кино. Фидель, увы, уже давно снимается в цветном. Вот он на фото в красно-синем спортивном костюме. Смеяться или плакать над барбудос в «Адидасе»? В Сьерра-Маэстро они не брились, чтобы среди них не затесался шпион. Когда потребовалось ехать на рекогносцировку в Боливию, Че сбрил бороду, набриллировал волосы, затянул галстук. Фидель никогда не побреется, словно у него пожизненный контракт с ювелиром, купившим права на его имидж.